

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ
ГУМАНИТАРНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ПРОФСОЮЗОВ

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ КУЛЬТУРОЛОГИИ

Лекции в СПбГУП

Выпуск 1

Санкт-Петербург
2013

А. С. Запесоцкий,

*член-корреспондент РАН, академик Российской академии образования,
заведующий кафедрой философии и культурологии СПбГУП,
доктор культурологических наук, профессор,
заслуженный деятель науки РФ*

ДМИТРИЙ ЛИХАЧЕВ: МНОГОГРАННОСТЬ НАУЧНОГО НАСЛЕДИЯ¹

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО

Сегодняшняя лекция — необычна, причем сразу в нескольких отношениях. Во-первых, мы пригласили наших коллег из школ Фрунзенского района — учителей и их учеников. Надеюсь, они пришли со своими лучшими учениками, потому что от школьников потребуется определенное напряжение — это все-таки университетская лекция, то есть шаг в более высокую образовательную систему.

Во-вторых, необычность нашей сегодняшней встречи в том, что она проходит и в дистанционном режиме: на экране вы видите один из залов нашего филиала в Подмосковье — в Зеленограде. Наш Университет — единственный вуз Петербурга, который имеет свой филиал в Москве, и впервые в его истории лекция читается сразу для Петербурга и Москвы. Те студенты, которые присутствуют в зале филиала, не только видят нас, но так же, как и вы, имеют возможность задать вопросы. И это тоже необычно.

Гипотетически университет как форма образовательной деятельности предполагает следующее: педагоги занимаются научными исследованиями, вовлекая в них студентов, и делятся с ними сведениями о самых последних открытиях и достижениях в науке. В действительности

¹ Лекция прочитана в СПбГУП 23 октября 2006 года.

так бывает далеко не всегда, потому что даже в самых элитных университетах конкретный специалист, как правило, занимается узкой отраслью научного знания, а лекции ему приходится читать, охватывая широкий диапазон проблем. Нередко он может прочесть одну лекцию, посвященную своим исследованиям, а все остальные вынужден базировать на исследованиях других ученых. Таковы реалии современного научного процесса. Должен сказать, что сегодняшняя моя встреча с вами — это, скорее, исключение из правил, потому что то, о чем я буду говорить, фактически еще нигде не опубликовано и представляет собой результаты самых последних научных исследований, предпринятых группой ученых нашего Университета. Публикаций пока нет, и если бы вы сами захотели почитать что-либо, допустим, на тему «Дмитрий Лихачев — великий русский культуролог», то практически ничего бы ни в отечественной, ни в зарубежной литературе не нашли, за редким исключением в виде разрозненных крупиц знания. С другой стороны, я уверен, что через год-два появится столько материала, что желающих познакомиться с этой темой ожидает другая трудность — найти все источники, все собрать, обобщить и т. д.

Только мною за последние полгода в академические журналы, в научные журналы России, направлено около 20 статей, посвященных Дмитрию Сергеевичу Лихачеву. Когда эти журналы выйдут, следует ожидать дискуссии. Оказывается, что **с некоторых важных позиций научное наследие Лихачева до сих пор не исследовано**. Поэтому в нашей сегодняшней встрече я попытался тезисно, схематично наметить самое главное, что происходит на переднем плане исследований, связанных с научным наследием Дмитрия Сергеевича. Здесь, как выяснилось, **нас ждет много неожиданного**.

Дмитрий Сергеевич Лихачев впервые пришел в наш Университет в конце 1992 года, очень обстоятельно познакомился с нами, и Университет ему понравился — прежде всего тем, что, по его словам, он «живой», здесь «живая» наука. Особенно его заинтересовало и увлекло то обстоятельство, что наука в наших стенах соединена с искусством, культурой, занимается осмыслением искусства и культуры — данное обстоятельство очень важно для развития Университета. Академик Лихачев назвал наш вуз университетом будущего, университетом XXI века и принял предложение стать нашим почетным доктором. Отмечу, что Дмитрий Сергеевич до этого являлся почетным доктором 19 самых престижных университетов мира, а у нас в России он так и остался почетным доктором лишь одного — Гуманитарного университета профсоюзов. Он сотрудничал с нами до конца своих дней. Ушел из жизни академик Лихачев 30 сентября 1999 года.

Готовясь к 100-летию Дмитрия Сергеевича, которое все прогрессивное человечество, по крайней мере весь славянский мир, празднует 28 ноября этого года, мы издали книгу «Д. С. Лихачев — университетские встречи. 16 текстов» (эти материалы появились в ходе сотрудничества Дмитрия Сергеевича с нашим коллективом), а также сборник исследований ученого «Избранные труды по русской и мировой культуре».

Дмитрий Сергеевич не был «свадебным генералом», хотя, конечно, посещал наши праздничные мероприятия в качестве почетного гостя. Его вхождение в университетское сообщество произошло 19 мая 1993 года с прочтения на этой самой сцене лекции «Петербург в истории русской культуры». На мой взгляд, это серьезнейшая научная работа, осмысляющая историю Петербурга. Наше сотрудничество с Дмитрием Сергеевичем в науке началось с этой работы, а завершилось созданием Декларации прав культуры, о которой я скажу позже. Сейчас только отмечу, что Декларация — своего рода духовное, нравственное, научное завещание Дмитрия Сергеевича. Это документ, отдельные положения которого уже отражены в двух Конвенциях ЮНЕСКО, то есть приняты международным сообществом.

Активное присутствие Дмитрия Сергеевича в жизни, в работе нашего Университета заключалось не только в чтении лекций и в участии в научной работе. Лихачев обсуждал наши традиции, помогал их создавать, рекомендовал к нам на работу наших будущих профессоров. Так, заведующий кафедрой литературы, профессор, доктор наук и, я уверен, будущий академик Юрий Владимирович Зобнин пришел к нам из Пушкинского Дома, когда ему было всего 26 лет, именно по рекомендации Лихачева. Сегодня он — один из крупнейших в мире авторитетнейших специалистов по Серебряному веку, то есть вполне оправдал доверие Дмитрия Сергеевича.

1. О НАЦИОНАЛЬНОМ ЗНАЧЕНИИ НАУЧНОГО НАСЛЕДИЯ Д. С. ЛИХАЧЕВА

Далеко не все из того, что мы делали вместе с Дмитрием Сергеевичем, было должным образом оценено и нами, и другими современниками в тот период времени. Большое видится на расстоянии, и иногда для того, чтобы лучше оценить какие-то явления, нужна определенная историческая дистанция. Должен сказать, как это ни удивительно, что в нашей стране не только обычные люди, но даже научное сообщество еще недостаточно

хорошо знают Дмитрия Сергеевича Лихачева. Это было первое, о чем я подумал, когда мы собрали в одно издание его исследования о культуре, и уже сам по себе этот сборник дал мощный импульс к осмыслению научного наследия Лихачева. Им опубликовано много работ, но нет полного собрания сочинений. Каждый, кто хочет познакомиться с его научной деятельностью, сталкивается с тем, что наследие Лихачева доступно лишь в виде отдельных книг и статей. Не знаю, когда будет издано полное собрание сочинений Лихачева, поскольку это очень большая и серьезная работа.

Я недавно встречался с директором Института мировой литературы Российской академии наук, академиком А. Б. Куделиным, и в разговоре выяснилось, что для того чтобы подготовить академическое собрание сочинений А. П. Чехова, надо примерно 15 лет работать коллективу из десяти исследователей, а ведь Чехов уже очень хорошо изучен. Я горько пошутил, что, возможно, полное собрание сочинений Д. С. Лихачева выйдет лет через сто, к 200-летию. Это грустное пророчество.

Тем не менее нам удалось собрать воедино в одном сборнике крупнейшие работы Лихачева о культуре, и в результате мы совершенно по-иному смогли посмотреть на научное наследие Дмитрия Сергеевича. Какими фактами располагала до этого наша наука? Было известно, что Лихачев — выдающийся ученый-филолог, исследователь «Слова о полку Игореве», специалист по древнерусским текстам. Было также известно, что это общественный деятель, человек, который радуется за культуру; общественное сознание представляло его большей частью в виде неких штампов: «совершенство нации», «последний русский интеллигент» и т. д.

Любопытное обстоятельство: за последние пять лет вышло два Указа Президента России, посвященных увековечению памяти Дмитрия Сергеевича Лихачева. Ни в современной истории России, ни в Советском Союзе, ни в досоветский период — вообще никогда в нашей истории не было двух указов главы государства, посвященных увековечению памяти какого-либо ученого. После ухода из жизни Дмитрия Сергеевича мы в Университете инициировали этот процесс, нас поддержал тогда Даниил Александрович Гранин. Второй Указ Президента был инициирован Даниилом Граниным.

Я думаю, дело не в том, что Владимир Путин лично знал Лихачева, лично знает Гранина и сам он из Петербурга. Природа вещей существенно глубже. Я думаю, что **работы Дмитрия Сергеевича Лихачева, и в первую очередь исследования о культуре, дают нам в России особые возможности для национальной самоидентификации.** Распад Советского

Союза поставил перед нами серьезные вопросы: кто мы такие, что мы за народ, зачем мы пришли в эту жизнь, какова дальнейшая судьба, будущее России? Для нации, для страны, для национального самоопределения, для людей, спрашивающих не «Кто я такой?», а «Кто *мы* такие?», работы Лихачева — прежде всего посвященные культуре — предоставляют особенные возможности. И Владимир Путин это понял раньше, чем наша наука. Если обратиться к тексту второго Указа, то в нем говорится о Лихачеве как о великом ученом — шире, чем просто литературоведе, — и стране предлагается почтить его память не как литературоведа, а как ученого, работающего в сфере гуманитарных наук. Это принципиально иной, значительно более широкий взгляд на научное наследие Дмитрия Сергеевича Лихачева. Если быть точным, то **президент предложил стране «отметить вклад Лихачева в гуманитарную науку, культуру, образование».**

Дмитрий Сергеевич совершенно не случайно в трудное для страны время — вторая половина 1980-х — начало 1990-х годов — оказался чрезвычайно востребован обществом, практически **превратился во властителя дум и национального лидера.** Я думаю, это было связано не только с особой нравственной позицией ученого, и не только с тем, как он эту позицию формулировал.

Когда общество пребывало в растерянности, выяснилось, что **Лихачев знает ответы на многие острейшие вопросы.** В ответах на вопросы, которые стране задавала жизнь, академик опирался на Научное знание. Его воспринимали как мессию, как пророка. Он никогда не сыпал какими-то особыми цитатами, а говорил: «Я считаю, надо сделать вот так. Я считаю, что это — добро, а это — зло». И люди ему верили. Но не потому, что он обладал какой-то особой харизмой или методами гипноза, подобно проповедникам некоторых американских сект, которые умеют «промывать мозги» своим слушателям. Нет, отечественная аудитория чувствовала, что за Дмитрием Сергеевичем стоит светлое начало, происходящее от Научного знания. Надо сказать, что в то время именно ответы Лихачева на злободневные вопросы оказались наиболее убедительными.

В этом и основа особенного отношения народа к фигуре академика Лихачева — можете поинтересоваться у старших членов вашей семьи, у своих близких. Между прочим, когда полгода назад, в преддверие столетия Лихачева провели опрос по всей стране, то люди, в том числе и молодежь, школьники, **в качестве символа российской науки на первое место поставили именно Лихачева.**

Лихачев считал, что культура — главное в жизни любой страны, любого народа и любого государства, и это принципиально важно. Если

бы вы меня спросили: «В чем особенность современного научного взгляда на труды Лихачева?», я ответил бы, что **рядом с Лихачевым-филологом, очень крупным, масштабным ученым, академиком, встал не менее масштабный ученый — Лихачев-культуролог. Дмитрий Сергеевич Лихачев — величайший российский ученый-культуролог XX века.**

Это утверждение, должен вам сказать, еще полгода назад было не так очевидно и просто. Прежде его не считали культурологом, только литературоведом. Более того, культурология — новая, очень современная наука, которая сформировалась в более-менее законченном виде только в последние десятилетия прошлого, XX века. В нашей стране много ученых-гуманитариев, в том числе очень крупных, которые учились в университетах в 1960-е, а то и в 1950-е годы, даже в довоенный период. Тогда в университетских программах еще не существовало предмета «культурология», а затем у части этих людей не было возможности или времени заинтересоваться данной наукой. Поэтому многие из них до сих пор не знают (и уже не все узнают), что эта наука из себя представляет. Это — издержки специализации. **Лихачев же, будучи прекрасным специалистом, являл собой еще и редкий пример ученого-энциклопедиста.** Отсюда — и особое значение результатов его деятельности для страны.

2. О НАУЧНОМ МЕТОДЕ Д. С. ЛИХАЧЕВА

Козьма Прутков в свое время подметил, что «специалист подобен флюсу». Это, конечно, шутка, но в ней есть доля правды. Дело в том, что **в современном научном знании есть тенденция углубления специализации:** профессионал изучает одно явление в науке, оставляя вне зоны своих интересов очень много других вещей. Впрочем, одновременно с этой тенденцией существует и **другая — интеграция научного знания, когда появляются очень крупные ученые, которые объединяют научное знание, работают на стыке разных наук, проводят междисциплинарные исследования.** Как вы догадываетесь, **Лихачев относился именно к таким.**

Но вырос он, безусловно, из литературоведения, с 1930-х годов и до ухода из жизни работал в Пушкинском Доме, исследуя памятники древнерусской литературы. Правда, он быстро вышел за рамки собственно литературоведческих исследований, так как понял, что **нельзя изучать литературу вне общего культурного процесса.** Ученому стало ясно, и что нельзя рассматривать культурную ситуацию только в момент создания памятника, надо обязательно посмотреть, что было до, что стало позже,

то есть речь идет об **историзме**. Так что к моменту написания докторской диссертации, а это конец 1940-х годов, Лихачев сформировался и как крупный специалист по истории культуры. Литературные произведения он не отделял от контекста истории культуры, и данный метод принес ему всемирную известность.

В литературоведении вообще не все просто. В 1918 году была написана знаменитая до сих пор статья Эйхенбаума «Как сделана “Шинель” Гоголя», и после ее появления отечественное литературоведение разделилось на две мощных ветви. Исследователи, принадлежащие к первой ветви, рассматривают литературные произведения именно по принципу «как это сделано»: анализируется художественность, структура текста, употребление слов и т. д. Второй подход заключается в следующем: почему, например, в той же «Шинели» Гоголь ввел именно такой персонаж, как он соотносится с другими, кто из них положительный, кто отрицательный, с чем или кем связана та или иная коллизия — и все это на фоне широкого общекультурного контекста.

Теперь вам должно быть понятно, почему некоторые литературоведы утверждали, что работы Лихачева о культуре — всего лишь некое хобби, а настоящая его деятельность — это исследование древнерусских текстов. Но оказывается, что это совсем не так. И для того чтобы вы осознали, насколько сложный спор идет в академической науке, я приведу цитату из статьи британского ученого-слависта, профессора Робина Милнера-Гулланда, которая была опубликована в 2000 году в шеффилдском журнале «Славоника»: «В своем подходе к науке Д. С. Лихачев не является типичным исследователем “исторических проблем”, то есть тем сортом ученых, которые путем кропотливого анализа доходят до сути определенного явления и затем переходят к следующему. Некоторые интеллектуально привередливые читатели были удивлены и скептически настроены к этому свойству его научного метода. Они не понимают, что его задачи и методология имеют характер, принципиально отличающийся от того, что они привыкли считать интеллектуально respectable»¹.

Значит, все, что сделано Лихачевым за рамками классического литературоведения, определенная часть литературоведов считает в глубине души «интеллектуально нереспектабельным». Сам же британский ученый, как это следует из его статьи, полагает, что работы Лихачева за пределами литературоведения очень важны, но с некоторым смущенным трепетом относится к тому, что Лихачев разрушает одну из академических традиций,

¹ *Milner-Gulland R. Dmitrii Sergeevich Likhachev (1906–1999) // Slavonica. Sheffield, 1999/2000. Vol. 6., № 1. P.143.*

сложившихся в этой отрасли научного знания, выходит за рамки классического литературоведения и начинает интересоваться и совершенно иными вещами, достигая, кстати, поразительно выдающихся результатов.

Любопытный факт: некоторые называют работы Лихачева о культуре публицистикой, звучит это утверждение примерно так: «Есть лихачевское литературоведение, а все остальное — это публицистика». Но сегодня **лихачевская «публицистика» оказывается не менее научной, чем его литературоведение.** Другое дело, что в работах о культуре ученый не использует так называемый «птичий» язык — это когда терминов столько, что для непосвященного читателя теряется смысл текста. Лихачев пишет предельно просто, предельно ясно, но от этого не менее научно.

Должен отметить, что путь «кропотливого анализа», о котором говорит Милнер-Гулланд, во второй половине жизни оказывается Лихачеву не всегда интересен, ученый нередко предпочитает то, что я бы назвал **прямыми интуициями.** (Иногда в той или иной жизненной ситуации нам не надо очень долго обосновывать, почему это хорошо, а почему это плохо, можно прямо сказать: «Я считаю, что это хорошо, а вот это плохо».) Но такая позиция предполагает наличие очень серьезного научного багажа. Я полагаю, что высказывая те или иные научные идеи, Дмитрий Сергеевич во второй половине своей жизни уже имел право не особенно утруждать себя доказательствами.

Результаты же впечатляют: если кто-то потом хочет проверить ту или иную его научную идею, доказательств правоты Лихачева находится море, а возражать ему оказывается трудно. Таким образом, великий ученый идет к истине каким-то своим, уникальным, предельно простым и кратким путем.

Оказавшись в гостях на даче у Дмитрия Сергеевича в 1995 году, я был поражен тем, что он, уже в очень почтенном возрасте, каждый день сидел за письменным столом и работал. И второе, потрясшее меня обстоятельство: Лихачев практически не использовал первоисточники, он уже знал столько и так хорошо, что ему не требовалось открывать какую-либо книгу и заниматься ее цитированием.

3. ОСОБЕННОСТИ КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИХ ВОЗЗРЕНИЙ Д. С. ЛИХАЧЕВА

Я представлю вам упрощенно культурологические воззрения Д. С. Лихачева в виде нескольких утверждений.

Первое. Лихачев — создатель собственной теории культуры, весьма цельной и оригинальной. Я бы сказал, что это российская (в полном

смысле слова) культурология. Дело в том, что на ранних этапах своего становления российская культурология формировалась в основном под влиянием американской этнографии. Российскую культурологию, **лихачевскую культурологию** от американской **отличает более широкое, объемное видение культуры и акцентированное внимание к проблемам человеческой личности, гуманизма, к проблемам добра и зла.**

Второе. Лихачев понимает культурологию как разновидность универсального гуманитарного знания, охватывающего все пространство человеческого бытия. В этом смысле он возвращает в культурологию классическую научную традицию, в русле которой **культурой считается все, что создано руками и разумом человека**, прошу это отметить. Естественно, не все явления культуры имеют одинаковую ценность, но Лихачев говорит нам о том, что **культура целостна**, это принципиально важное положение, которое он потом развивает в Декларации прав культуры. Нельзя из культуры изъять какую-то часть, не повлияв на ее остальные компоненты. **Понять суть отдельного явления в культуре можно только в контексте системного целого**; само по себе явление не может быть рассмотрено в отрыве от всей культуры, в рамках которой оно существует.

Третье. **Д. С. Лихачевым создана особая теория концептосферы русского языка.** У него есть очень интересное высказывание — Дмитрий Сергеевич цитирует Гейне и далее говорит: Гейне заметил, что в Италии музыка создала нацию, **в России же нацию создала литература.** Почему в России литература создала нацию — вопрос особый, требующий изучения, и я думаю, что в ближайшее время появится целый ряд работ, которые помогут уточнить сложные, многообразные и интересные связи между литературой и культурой. Однако уверен, что основываться они будут на фундаментальном исследовании Лихачева «О концептосфере русского языка».

Ученый говорит о том, что концепт возникает не из словарного значения слова, а из соприкосновения этого значения с нашим обыденным опытом, то есть разные люди по-разному понимают одно и то же слово. Приведу пример. Что означает слово «колеса»? Один человек скажет: это то, что находится в нижней части автомобиля. А другой — что это таблетки, за которые забирают в милицию.

Лихачев говорит о том, что в слове, в наборе слов, **в языке очень своеобразно отражается мир явлений, существующих вокруг нас. У языка и у жизни совершенно особенная связь.** Кто заинтересовался, читай-те «Концептосферу русского языка».

Четвертое. **Дмитрий Сергеевич был человеком верующим.** Я не призываю вас верить в Бога, тем более что университеты, как правило,

тяготееют к естественно-научной модели мира, но замечу, что понятия добра и зла не вытекают из знания. Наука только изучает добро и зло, а понятия добра и зла соотносятся с той или иной верой. В ряде работ Лихачева заметна религиозно-христианская составляющая его воззрений. Должен сказать, он сожалеет, что элементы культуры, связанные с религией, с приходом советской власти исчезли из образовательных программ учебных заведений и считает, что это привело к обеднению образования. К этому можно относиться по-разному, многие мысли академика дискуссионны, но сказать об этом я считаю необходимым.

Пятое. Лихачев сделал необычайно много для постижения исторических закономерностей развития культуры. Развитие культуры не линейно. Понятие прогресса не является безусловным, есть разные взгляды на то, как развивается человечество, как развивается культура. Кто-то считает, что она движется вперед подобно локомотиву и тащит за собой человечество, есть мнение о том, что культура развивается по спирали... У Лихачева свой, особый взгляд.

К примеру, он говорит, что культура как бы «прорастает» изнутри, старая культура «прорастает» в современную, это очень любопытный, и главное, наглядный образ. Дмитрий Сергеевич объясняет интересные вещи, на которых я сам себя много раз «ловил» и удивлялся. Например, 70 лет наша страна жила изолированно от религии, в церковь ходили только бабушки; но когда случайно или из любопытства оказываешься в церкви, то испытываешь ощущение почти родного дома, несмотря на то, что тебя воспитала пионерская организация в духе отрицания Бога, христианства. А буддистский храм — совершенно не твое. В католическом же костеле много знакомого, но не столь близкого тебе, как в православном храме.

Есть образы, есть культура, есть символы, которые продолжают жить вместе с нами, культура совершенно по-особому «прорастает» в людях, в этносе, и через работы Лихачева легко понять, как это происходит.

Ученый интересно пишет о реформах Петра, я позже на этом остановлюсь более подробно. Так случилось, что наше прошлое время благодаря Петровским реформам и мифам тех времен — то, что было до Петра, — стало оцениваться со знаком минус: отсталая культура, неопрятные мужики, бороды, грязь, азиатчина... На самом деле в Древней Руси была и высокая культура. Лихачев показывает, как эта культура вопреки официальному отрицанию «прорастает» в Новое время.

Шестое. Академик Лихачев сделал серьезный вклад в развитие методологии историко-культурного исследования, ему принадлежит

особый взгляд на динамику культурных процессов. Мир культуры огромен. У него много разных сегментов. Живопись, архитектура, скульптура, музыка, литература развиваются по-разному, а Дмитрий Сергеевич выстраивает очень интересные параллельные ряды и показывает, как, например, развитие архитектуры влияет на литературу, и наоборот, что вообще происходит с культурой, какие идут динамические процессы взаимовлияний, как протекает диалог культур.

Седьмое. Лихачев развивал теорию о том, что явления культуры живут в рамках больших культурных комплексов. Сегодня для этого имеется термин «субкультура» — культура внутри большей культуры, возможно, имеющая свои отдельные культурные подпространства. Например, существует общая культура нашего народа, а в ней — молодежная и людей старшего возраста: взрослые иначе одеваются, иначе себя ведут, иначе распоряжаются свободным временем.

4. ВКЛАД Д. С. ЛИХАЧЕВА В ОСОЗНАНИЕ СУТИ РОССИЙСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Российское общество уже не один десяток и даже не одну сотню лет задает себе чрезвычайно важный — и простой вопрос. Кто мы, Россия? Мы — Европа? Мы — Азия? Мы — нечто среднее между Европой и Азией, как говорят, — евразийцы? У любой из названных точек зрения, а есть, кстати, и четвертая — Россия сама по себе огромная самобытная страна, ни на кого не похожая — есть авторитетные сторонники. Например, Лев Гумилев (не знаю, хорошо ли вам он известен) считал, что Россия — это Евразия. Лихачев отвечает на этот вопрос коротко и просто: «Мы — Европа». Более того, как можно понять из его работ, **Россия — это самая европейская страна в Европе**, а то, что половина нашей державы лежит за Уральским хребтом, — это свойство географическое, а не культурное. Надо уметь различать культуру и географию: жизнь во Владивостоке очень мало отличается от жизни, например, в Пскове и Новгороде, и там и здесь по сути одна и та же культура, именно это утверждает Лихачев.

Ученый выделяет в развитии России несколько чрезвычайно важных периодов, и один из них — это усвоение христианства. Я процитирую его слова: «В своей культуре Россия имела чрезвычайно мало собственно восточного. С юга, из Византии и Болгарии пришла на Русь духовная европейская культура, а с севера другая языческая дружинно-княжеская

военная культура — Скандинавии. Русь естественнее было бы назвать Скандовизантией, нежели Евразией»¹.

Эта точка зрения интересна потому, что любой, кто добросовестно, с интересом изучал историю в школе, вправе спросить: «Как же так? Какая еще Скандовизантия, когда здесь было татаро-монгольское иго? И кочевники не оказали никакого влияния?» А академик Лихачев говорит: «Да, они правили. Да, Россия платила им дань, но культурного влияния они не оказали практически никакого» — такова его точка зрения. Для кого-то это спорное утверждение, и в полемике по этому поводу нет ничего плохого. Татаро-монгольское иго для России в культурном плане было явлением чужеродным, и как только его удалось сбросить, наша страна за несколько десятилетий восстановила все, что было до нашествия. Причем с чрезвычайнейшим интересом и вниманием к своей истории, к искусству: отстроили сожженные храмы — те, которые смогли, многие храмы сделали еще лучше и т. д.

Наступило почти Возрождение, или, как его называет Дмитрий Сергеевич, «Предвозрождение». У Лихачева есть интересная теория российского Предвозрождения. И он убедительно показывает, почему у нас не было Ренессанса, аналогичного европейскому, — Иван Грозный остановил.

Думается, **одно из важнейших научных достижений академика Лихачева — создание стройной и обоснованной теории происхождения и развития российской культуры в ее европейском и общемировом контексте.** Размышляя о России, Дмитрий Сергеевич подчеркивает, что родовыми европейскими признаками ее культуры являются **личностное начало, открытость и восприимчивость к другим культурам, свобода творческого самовыражения.** Вместе с тем **многонациональность и соборность** — Лихачев воспринимает соборность как уникальное проявление христианской склонности к общественному и духовному началу, — а также **устремленность в будущее и неудовлетворенность настоящим** являются отличительными чертами русской культуры, которые определяют ее особое место в мире.

Прокомментирую два положения из сказанного. Единственная религия, в которой поклоняются Богу-личности (Иисусу Христу), — это христианство, отсюда и высокая роль в европейской культуре личностного начала. Что касается соборности, то Лихачев предлагает необычную трак-

¹ Лихачев Д. Культура как целостная среда // Избранные труды по русской и мировой культуре. СПб., 2006. С. 359.

товку. Многие считают, что соборность — исключительно русское явление, а по мнению ученого — нет, у нас сложилась лишь его специфическая форма. Пришло же это явление к нам из Европы.

Академик Лихачев немало сделал и для понимания культуры Петербурга. Обращусь к лекции «Петербург в истории русской культуры», прочитанной в этом зале 19 мая 1993 года при посвящении Дмитрия Сергеевича в почетные доктора нашего Университета: «Нам говорят, что Петербург по своему внешнему облику самый европейский из русских городов. <...> Да, это так, но и не так! <...> Он самый русский среди русских и самый европейский среди европейских городов!»¹ По его мнению, в этом городе слились лучшие европейские и российские черты. И действительно, если прочесть его лекцию (она опубликована в изданных нами книгах) и потом пройти по Петербургу, то начинаешь смотреть на город немного другими глазами — где в нем влияние древнерусского зодчества, а где — Европы и т. д. По мнению Дмитрия Сергеевича, **здесь произошло соединение европейских и русских принципов градостроительства, и к ним добавились лучшие традиции допетровской Руси.**

Самый европейский и самый русский город, **вершина** развития отечественной архитектуры и культуры — вот так понимает Петербург Дмитрий Сергеевич Лихачев. Называет он и некоторые другие, очень важные его черты, такие как **академизм** и **профессионализм**, способствующие становлению и развитию нашего города. Лихачев говорит, что практически все мировые стили: литературные, художественные, архитектурные — в Петербурге принимали академические, **классические черты.**

До Петра в России не было ни своей науки, ни университетов, именно этим допетровская Русь существенно отличалась от прочей Европы. В петровское время огромное внимание уделяется науке, образованию, и как результат — становление особого петербургского профессионализма.

Отсюда же и **особый менталитет**, и особая благородная сдержанность, культура поведения, свойственная его жителям до 1980-х годов. Особенная порода людей — отзвучивших, деликатных — жила в этом городе, и из работ Лихачева очень хорошо видно, почему это так сложилось.

В особенном городе, который стал своего рода шедевром мировой культуры, появилась и особая группа людей, которую стали называть интеллигенцией. Из работ Дмитрия Сергеевича — а у него есть специальные труды, посвященные интеллигенции, — следует, и что такое интеллигенция и почему она появилась именно в этом городе.

¹ Д. С. Лихачев — университетские встречи. 16 текстов. СПб., 2006. С. 12, 14.

Академик Лихачев отмечал три присущих интеллигенции свойства. Это **образованные люди с обостренным чувством совести, интеллектуально независимые**. Интеллигенция, по Лихачеву, сформировалась в Петербурге закономерно.

5. ИСТОРИЧЕСКАЯ КОНЦЕПЦИЯ Д. С. ЛИХАЧЕВА

Взгляд Дмитрия Сергеевича на мир — это **взгляд историка**, историка культуры. Мы с вами понимаем, что история бывает различной, например история автомобилестроения или история Фрунзенского района и т. д. Как правило, история в нашем представлении — это набор повествований о войнах, о захватах земель, о царях, о том, кто захватил престол, кто организовал тот или иной переворот. После чтения школьных учебников создается впечатление, что на протяжении всей своей истории люди только и делали, что друг друга убивали, грабили, уничтожали, что в общем нередко было близко к действительности. По Лихачеву — все наоборот, значимость тех или иных исторических событий определяется их принадлежностью к культуре. И самое главное — это не кто кого уничтожил, а кто что создал, какие появились достижения человеческого духа и мысли. **История, по Лихачеву, культуроцентрична**; ученым была разработана целостная, глубоко осмысленная и прочувствованная историческая концепция.

Лихачева-историка ценили всегда, но в академических кругах ценили Лихачева — историка литературы. Сегодня следует расширить представление о Лихачеве — как исследователе истории культуры человечества. Надо заметить, что, уже исследуя летописи, **Лихачев совершенно по-новому определяет связь литературы и истории культуры**.

В свое время Дмитрий Сергеевич в качестве редактора издательства Академии наук должен был подготовить рукопись посмертного издания обширного труда академика А. А. Шахматова «Обозрение русских летописных сводов XIV–XVI вв.». В результате у него возник интерес к другим работам Шахматова, а затем и к широкому кругу вопросов, связанных с историей древнерусского летописания. Шахматов считал, что стиль написания рукописей не менялся со временем, однако Лихачев заметил, что это не так. Внимание привлекло и то, что первые летописи были обезличены, у них нет автора. Авторство появляется — то есть тексты подписываются — значительно позже. Значит, развивается личностное начало.

Дмитрий Сергеевич связал развитие стиля написания летописей с ходом истории. Он отметил также, что «Литература — это часть истории,

но это еще и ее свидетель, ее участник и творец». Более того, Лихачев иначе, не так, как другие историки, отнесся к вымыслу и художественности в литературе. По существовавшему ранее мнению, то, что человек придумал, нельзя рассматривать в качестве исторического свидетельства. А Дмитрий Сергеевич считает по-другому: **и вымысел, и художественность сами по себе являются историческими фактами**. Он говорит, что субъективная включенность литературных памятников в культурно-исторический контекст эпохи делает их особым историческим источником. Подчеркну — источник, но только особый.

Субъективный характер авторских оценок, суждений лишь усиливает привлекательность этого источника. Приведу высказывание ученого дословно: «Ни одно произведение прежних веков не может быть объявлено плохим историческим источником. Нет плохих исторических источников, есть только плохие источниковеды»¹.

Детализируя это положение, он отмечает: «Само произведение — это осколок прошлого и в качестве такового является свидетельством ошибочных или недостаточных представлений, существовавших о прошлом, памятником общественной мысли прошлого, свидетельством об эстетическом уровне прошлого и т. д.»². Яростные споры велись в свое время по поводу «Слова о полку Игореве». Довольно известные ученые заявляли, что это произведение — подделка. Лихачев тоже участвовал в полемике, заявляя: «Если “Слово” — сплошное вранье, то и это, как ни парадоксально звучит, представляет собой источник чрезвычайного значения: вранье — свидетельство психологии своего времени». И далее — его заключение: «Ибо в каждом обмане есть своя тенденция: общественная или просто эстетическая»³. Люди ведь зачем-то обманывают, значит, можно изучить историю и понять, с какой целью они это делают.

Конечно, сам академик Лихачев «Слово о полку Игореве» враньем не считал, относя его к важнейшим памятникам древнерусской литературы. Тем не менее, как вы понимаете, в этом споре расширяется представление о том, что такое литература и что она означает для истории.

Еще раз подчеркну, Лихачев создает культуроцентричную концепцию истории. При этом **в культуре его привлекает возвращение лучшего, а лучшее для него — это синоним гуманного. Отсюда и оценка им**

¹ Лихачев Д. С. К вопросу о «Слове о полку Игореве» как историческом источнике // Лихачев Д. С. «Слово о полку Игореве» и культура его времени. 2-е изд., доп. Л., 1985. С. 176.

² Там же. С. 176–177.

³ Там же. С. 178–179.

исторических личностей. Мы говорим, что исторические персонажи надо судить по законам своего времени. Вот хан такой-то подавил восстание и отрубил пять тысяч голов. Молодец! Вот этот храбрый, вон тот сильный... А Лихачев говорит по-другому: «Надо судить с точки зрения того, что человек сделал гуманного, хорошего». И тогда, допустим, Иван Грозный или Сталин оказываются у Лихачева отрицательными персонажами истории. А «плюсы» Петра I, касающиеся развития культуры, намного перевешивают «минусы», хотя мы знаем, что в его эпоху тоже были казни, под пытками гибли люди.

Дмитрий Сергеевич Лихачев пересматривает оценки не только отдельных личностей, но и целых эпох, дает им другие оценки, нежели принято в нашей исторической науке. Например, время после татаро-монгольского нашествия, Предвозрождение — ученый показывает, насколько это был крупный, интересный период в нашей культуре. А насколько интересна его оценка роли Петра! Вот что он пишет про эту эпоху: «Ни одна страна в мире не окружена такими противоречивыми мифами о ее истории, как Россия. Приведу один из напрашивающихся примеров — Петровские реформы. Для их осуществления потребовались совершенно искаженные представления о предшествующей русской истории. Раз необходимо было большее сближение с Европой, значит, надо было утверждать, что Россия была совершенно отгорожена от Европы. Раз надо было быстрее двигаться вперед, значит, необходимо было создать миф о России костной, малоподвижной и т. д. Раз нужна была новая культура, значит, старая никуда не годилась». И еще одна цитата: «Как это часто случалось в русской жизни, для движения вперед требовался основательный удар по всему старому. И это удалось... Создателем мифа об истории России был Петр Великий». И далее: «В мире не было еще мифа о народе и его истории такого устойчивого, как тот, что был создан Петром»¹.

Любопытная трактовка. Читая это, сразу начинаешь думать, сопоставлять — а что у нас случилось с оценкой советского периода? Все, что было в советское время, сейчас признается ужасным, хотя на самом деле стоит присмотреться повнимательнее, и окажется, что многое было прекрасным.

Так что все-таки случилось с реформами Петра I? Лихачев выдвигает яркую версию. Общепринятая точка зрения такова: России якобы требовалось перейти в передовую и просвещенную Европу от отсталости, от «азиатчины». Но, по мнению Лихачева, Россия никогда не была азиат-

¹ *Лихачев Д.* Русская культура в современном мире // Избранные труды по русской и мировой культуре. С. 192.

ской страной, просто в силу ряда особенностей исторического развития задержалась в Средневековье. Ей надо было перейти к Новому времени. Как это сделать?

В нашем Университете один молодой ученый на материале лихачевских трудов написал работу: «Петр I как гений российского пиара». Любопытно, да? В России в то время назрели существенные перемены. Отстала европейская страна Россия в своем развитии от Центральной Европы прежде всего в плане науки, образования, культуры. Зачем Петру надо было заставлять бояр брить бороды, а их дочерей «пить кофий»? Ехать недорослям учиться в Европу — еще понятно, но зачем вводить новый флаг, строить новую столицу на болоте да еще и называть ее на иноземный манер — «Питербурх», переодевать армию и т. д. и т. п.? «Петр I, — пишет этот ученый (он специалист по рекламе, поэтому и использует соответствующие термины), — произвел тотальный ребрендинг России». А теперь вернемся к Лихачеву: «Одна из особенностей всех действий Петра состояла в том, что он умел придавать **демонстративный** характер... всему тому, что он делал. То, что ему бесспорно принадлежит — это смена всей “знаковой системы” Древней Руси. Он передел армию, он передел народ, сменил столицу, демонстративно перенес ее на Запад, сменил церковнославянский шрифт на гражданский»¹. «Эта смена знаковой системы, — пишет Лихачев, — **ускорила** происходящие явления в культуре. Она придала процессам, происходящим до того в полуосознанной форме, сознательное направление»². Куда? На Запад. Далее: «Петр I не был первым, кто поднял спор новой России со старой Русью, но Петр всячески пытался этот спор сделать демонстративным. Он стремился... к тому, чтобы... утвердить в сознании современников глубину совершающегося переворота. <...> Все перемены облекались в демонстративные формы»³.

Как Петр I должен сообщить народу, что мы «идем на Запад», что мы догоняем Европу? Об этом никто сейчас особо не задумывается. А вы представьте себя на его месте — никакой системы массовых коммуникаций, не выступишь по телевизору, не напечатаешь постановление в газете. Петр I задействует народную молву. Вот вам интереснейший способ изменения бренда России — народная молва. Все начинают говорить о чудаковатом царе, который бороды бреет, участвует в каких-то там ассамблеях. Совершенно не такой, как все!

¹ Лихачев Д. Петровские реформы и развитие русской культуры // Избранные труды по русской и мировой культуре. С. 165.

² Там же. С. 168.

³ Лихачев Д. Русская культура Нового времени и Древняя Русь // Там же. С. 182.

Петр I формирует свой имидж и с помощью административного ресурса запускает в действие механизмы народной молвы. И анализируя то, что написал Лихачев, а также все, что нам известно про Петровскую эпоху, мы приходим к ее переосмыслению. Петр I — опять процитирую Лихачева — «воспринимался как творец современной России, которая оказалась противоположностью древней»¹. Царь в стране, где нет ни одного университета и нет науки, начинает лично заниматься ремеслами и наукой, тем самым поднимая их **статус**. Эти занятия становятся престижными в первую очередь для знати. А он дает понять, что и люди из простого народа могут стать знатью, если будут заниматься наукой и ремеслами.

Это — своего рода **культурная революция**. Да, конечно, революционные изменения в промышленности и прочем очень важны. Но Петр начинает с изменения знаковой системы. Он поступает с культурными символами таким образом, что они начинают восприниматься как своего рода указательные знаки для всей страны — двигаться туда, на Запад, где нет бород, где носят иную одежду, где иные, более современные представления о жизни, где занимаются наукой и ремеслами. И чего в результате добивается Петр I? По мнению Лихачева, Петр I добивается того, что страна при его жизни совершает путь, на который в обычном развитии понадобилось бы семь поколений. Вот такая любопытная трактовка Петровских реформ.

Интересно сравнить учение Лихачева о культуре с учением Дарвина об естественном отборе. По Дарвину, в результате естественного отбора побеждает сильнейший. А по Лихачеву, в культуре — наиболее человеческий, Человек с большой буквы. Казалось бы, действительно, вся история человечества — сплошные войны, грабеж, насилие. Но в культуре постепенно взращивается все лучшее средствами искусства, литературы, средствами других ее форм. В целом человечество становится все более гуманным на протяжении своей истории. Были периоды, когда отдельные народы просто вытаптывали другие, ничего не оставляя от их культуры. Совсем недавно, чуть больше 60 лет назад фашисты сожгли Пушкин — Царское Село. Уже в наше время американцы пришли в Багдад и сожгли дворцы. Уничтожены национальные ценности, древняя культура. Но в целом магистральное развитие культуры идет наверх, и **в итоге в культуре побеждает лучший, наиболее гуманный**. Так трактует Лихачев процесс развития культуры. И с ним нельзя не согласиться.

Дмитрий Лихачев оставил поистине бесценное наследие. Думается, что еще **не в полной мере оценен его литературоведческий вклад**,

¹ Лихачев Д. Русская культура нового времени и Древняя Русь // Избранные труды по русской и мировой культуре. С. 172.

что очень интересным будет осмысление его работ искусствоведами, чем, собственно, и занимаются сейчас ученые нашего Университета; **происходит признание философского характера мышления Лихачева.** Об этом не писали, но у Дмитрия Сергеевича были очень непростые отношения с цехом философов, противоречия, носившие научный характер, переходили и в межличностную плоскость. Однако сейчас ведущие российские философы обоснованно говорят о том, что мышление Лихачева было философским по своей природе.

Отмечу также, что совершенно не исследовано **педагогическое наследие великого ученого,** а ведь он написал много работ, чрезвычайно ценных для педагогики. Думаю, что в этой сфере «по Лихачеву» будут написаны десятки диссертаций, как кандидатских, так и докторских.

Этические воззрения Дмитрия Сергеевича заслуживают особого внимания. У него есть даже специальная работа, посвященная этике научных трудов. Отдельного разговора заслуживает и тема **«Лихачев и интеллигенция».**

В заключение несколько слов о **Декларации прав культуры,** которая была разработана под руководством академика Лихачева группой ученых нашего Университета в 1995–1996 годах. Центральная ее идея: в культуре — смысл жизни человека. Каждый ищет ответ на этот вопрос сам. Но Дмитрий Сергеевич предлагает нам свою версию: человек не может обрести смысл жизни вне культуры. По утверждению Лихачева, права культуры должны встать в один ряд с правами человека.

Культура чрезвычайно важна для человечества, без нее нет ни отдельно взятой личности, ни малого народа, ни большого народа, ни государства. Из культуры нельзя вырвать какую-то ее часть. Она нуждается в охране и защите. И защита культуры должна стать делом всего мирового сообщества и предметом особой ответственности государства.

Декларация прав культуры — документ, который, я думаю, со временем обретет значение самостоятельного памятника культуры подобно Великой хартии вольностей или Декларации прав человека.

28 ноября 2006 года коллектив Университета на нашей территории откроет памятник Дмитрию Сергеевичу Лихачеву работы выдающегося российского скульптора Григория Ястребенецкого. Я очень хочу, чтобы мы открыли этот памятник вместе со всеми, присутствующими в этом зале, и отдали дань выдающемуся российскому мыслителю. Наши студенты — я очень рад этому обстоятельству — каждый день будут встречать Дмитрия Лихачева на своем пути к знаниям. И я бы очень хотел, чтобы вы в своей жизни, образно выражаясь, не прошли мимо этой фигуры.

Фигуры выдающегося российского мыслителя, выдающегося российско-го ученого, настоящего петербуржца, настоящего интеллигента и замечательного человека, друга нашего Университета.

ВОПРОСЫ И ОТВЕТЫ

М. СВЕТЛОВ, соискатель (диссертант) кафедры мультимедиа СПбГУП: — *В одном из речевых оборотов Вашей лекции прозвучало, что прогрессивное человечество и славянский мир — эквивалентные понятия. Тем самым Вы принизили, например, значение работ моих американских и французских коллег, на исследования которых я опирался, преподавая в Вашем вузе. Такое националистическое высказывание случайно или это Ваша продуманная позиция?*

— Во-первых, люди в возрасте старше школьного выражение «прогрессивное человечество» должны воспринимать как шутку, потому что оно из лексикона советского Политбюро, в котором я лично не состоял.

Во-вторых, если серьезно, полагаю, что интерес и внимание к славянскому миру — это один из признаков прогрессивности человечества, и, на мой взгляд, та его часть, которая этого интереса не имеет, не может быть отнесена к прогрессивной. Я думаю, что духовно развитый человек, принадлежащий к славянскому миру, также должен интересоваться культурой других этносов и религий: мусульманской, буддистской, иудаистской и т. д. Я надеюсь, что в этом коллега со мной согласится.

— *Александр Сергеевич, в Вашей лекции прозвучало высказывание: «Иисус — личность», как я поняла, это мнение Лихачева. А как Вы считаете, единственная ли личность в религии Иисус? (записка из зала)*

— В христианской религии все святые — личности. Я имел в виду: Бог — это личность в христианской религии.

В. ТЕРЕГУЛОВА, II курс, юридический факультет: — *Уважаемый Александр Сергеевич, охарактеризуйте, пожалуйста, Ваше представление о современном интеллигенте Санкт-Петербурга? Каков процент интеллигентов в нашем городе и в мире в целом?*

— Я думаю, что интеллигентов в высоком — лихачевском — смысле слова не очень много. Идеальное представление: интеллигент — образованный человек с обостренным чувством совести, обладающий интеллектуальной независимостью. Кто из нас обладает интеллектуальной независимостью? Как ее понимать — как в советское время: «Я интеллектуально независимый, в кармане фигу начальству показываю»? Вот я, ректор Университета, обладаю интеллектуальной независимостью? Я вам отвечу: только относительно. Множество своих соображений, взглядов я не высказываю, — а вдруг на меня какой-то чиновник обидится? Мне за себя не страшно, но я — ректор Университета, и этот чиновник может навредить Университету. Значит, я уже не обладаю интеллектуальной независимостью в должной степени, поэтому под это определение я не вполне подхожу, то есть — не вполне интеллигент.

Я думаю, что абсолютно независимых людей очень мало. К ним, в частности, отношу Даниила Гранина. Это человек образованный и с обостренной совестью, интеллектуально независимый. Я также назвал бы в качестве примера интеллигента писателя, историка, соредактора журнала «Звезда» Якова Гордина. Но огромное количество образованных людей готовы на любую подлость просто ради благосклонного взгляда начальства; за деньги готовы предать, продаться и т. д. Разумеется, это — не интеллигенция.

Я склонен предположить, что много настоящих интеллигентов работает в российской школе — учителей, чей непростой труд не очень высоко оплачивается. И человек понимает, что может уйти из школы и заняться чем-нибудь другим, приносящим более высокий доход, но он интеллигентный человек и должен заниматься своим делом.

Когда мой сын был маленьким, он получил травму, я его привез в травмпункт больницы им. Раухфуса, и на меня сильное впечатление произвело, как врачи работают с травмированными, искалеченными детишками. Опять-таки у них небольшие зарплаты, а надо кормить свои семьи. Но эти врачи прекрасно понимают: если не я, допустим, исправлю вывих, сделаю рентген, кто этому ребенку окажет помощь? В моем представлении эти врачи — тоже настоящие интеллигенты.

Я не стал бы выводить «процент» интеллигентов. Должен сказать, что были времена, когда заявлять о себе как об интеллигентном человеке означало рисковать жизнью. Большевики вывезли из России два парохода интеллигентов — тех, которых просто не могли физически уничтожить, потому что уничтожение любого из них спровоцировало бы всемирный скандал. А сколько уничтожили?.. В сталинское же время демонстрировать интеллектуальную независимость было вообще невозможно.

Быть интеллигентом очень непросто, но интеллигенты все-таки есть.

Чем либеральнее и цивилизованнее государство, тем меньше в нем интеллигентов; в основном там интеллектуалы, потому что интеллигент формируется под влиянием конфликта совести и реальности: «Все вокруг не так, я не могу это терпеть, я переживаю, я мучаюсь».

— *Каково отношение Лихачева к национальной политике в России?* (записка из зала)

— Лихачев был глубоко убежден, что российская культура — многонациональная, основанная на уважении к другим культурам, и он приводит такой пример: «Пройдите по Невскому проспекту, посмотрите — там стоят храмы всех конфессий». Россия с самого начала развивалась с глубоким вниманием к другим нациям и другим культурам. И не случайно люди разных национальностей, приезжая в Петербург, до последнего времени не испытывали здесь особых проблем.

В. ШАХОВА, IV курс, факультет культуры: — *Уважаемый Александр Сергеевич, скажите, а каким Вы считаете город Калининград? Нельзя ли именно его считать самым европейским? И насколько Калининград, по-вашему, российский, русский?*

— Калининград — это уже не по Лихачеву, а по-моему, — российский град с того периода истории, когда его вынужденно покинули немцы и пришли русские. К большому сожалению, от старого Кенигсберга почти ничего не осталось, хотя за оккупацию Калининграда и присоединение его к Советскому Союзу я бы наших родителей судить не стал. Это отдельный и очень, на мой взгляд, непростой разговор.

— *Как называется работа, где изложена концепция культуры Д. С. Лихачева?* (записка из зала)

— Отдельной такой работы нет, но есть целый сборник. Я думаю, что Лихачев не стремился специально создать концепцию культуры, он не ставил перед собой такой задачи. Но в какой-то момент, где-то к 1970-м годам, ученому уже стало слишком тесно в рамках классической филологии. Он считал необходимым защищать культуру и написал целый ряд работ, которые представляют большой теоретический интерес. Если их все проанализировать с позиций современной культурологии, то получается

целое учение. У самого Лихачева слово «культурология» появилось на самом позднем этапе творчества.

Кого интересует этот вопрос, я отсылаю к уже упомянутому мною сборнику, кроме того, в течение ближайшего месяца выйдет моя книга «Дмитрий Лихачев — великий русский культуролог» со ссылками на все первоисточники, и среди этих ссылок будет больше десятка его работ, в которых четко вырисовывается лихачевская система взглядов на культуру.

— *Лихачев был культурологом и филологом. Если бы перед Вами стоял выбор быть филологом или культурологом, кем бы Вы стали и почему?* (записка из зала)

— Трудно сказать. Я по первой специальности физик-инженер, между многими занятиями выбирал и стал тем, кем стал.

— *Меня зовут Виталий, я студент III курса, специальность «Связи с общественностью». Уважаемый Александр Сергеевич, как Вы считаете, XXI век способен дать миру такой же феномен, как Дмитрий Сергеевич Лихачев, или это практически невозможно?* (вопрос из филиала в Зеленограде)

— Спасибо за вопрос. Личности и ученые масштаба Дмитрия Лихачева — большая редкость. Но я верю в необычайную талантливость российского народа. Думаю, что нам не всегда удастся оценить наших современников. Поэтому, возможно, второго Лихачева мы еще не успели разглядеть среди тех, кто живет и работает рядом с нами. Давайте будем внимательны: может быть, у вас в Зеленограде или среди присутствующих здесь школьников Фрунзенского района и наших студентов находится будущий Лихачев.

— *Декларация прав культуры, созданная Дмитрием Сергеевичем Лихачевым и учеными Санкт-Петербургского Гуманитарного университета профсоюзов, по сути могла бы стать основой российского закона о культуре. Как Вы думаете, появится ли такой закон в будущем?*

— Декларация прав культуры фрагментарно уже входит не только в наши законы, но и в международные конвенции и, я в этом уверен, когда-нибудь будет принята целиком не только у нас в стране, но и за рубежом. Однако поскольку Декларация предполагает большую ответственность

государств за состояние культуры, правительства многих стран на это пока не готовы.

— *Согласно Лихачеву, в чем смысл жизни отдельного человека?*

— У Дмитрия Сергеевича есть одно высказывание, я его дословно не приведу, так как не заучиваю цитаты. Выступая в свое время в этой аудитории, он пожелал студенчеству получить прекрасное образование, потому что оно дает особенную возможность насладиться жизнью в самых высоких проявлениях — в культуре, искусстве, литературе, настоящей дружбе, уважении к родителям, любви к Родине, профессиональной реализации. То есть Лихачев видит счастье, как я понимаю, в максимальной самореализации человека на основе приобщения к культуре. А для этого надо, как говорил другой наш классик: «Учиться, учиться и учиться». Смысл жизни обретается через приобщение к культуре, через образование — возвращать в себе личность, реализовывать свои лучшие качества, свой потенциал.

— *Можно ли с помощью культурологии предсказать будущее отдельной страны, в частности России?*

— Для того чтобы предсказать будущее, есть другая наука — футурология. Я думаю, что Россия — это страна великой культуры. Лихачев об этом говорил так: «Наша сила не в вооруженных силах и не в ресурсах, которыми наша страна располагает, и не в энергетических богатствах, наша сила в нашей культуре». Кстати, один из наших чиновников, Михаил Ефимович Швыдкой, лет десять назад сказал: «А зачем нам нужна какая-то особая национальная идея? Наша национальная идея — это наша культура». Его тогда не очень поддержали в обществе, а я думаю, что он был прав. Страна с такой культурой, если мы ее не дадим разрушить, опорочить, осквернить, — это страна с блестящим будущим, я в этом убежден.

— *Нужно ли искусственно защищать культуру или предоставить ей самобытность?*

— Защищать культуру нужно. Если хотите, можете охарактеризовать это словом «искусственно». Всю вторую половину XX века Дмитрий Лихачев занимался тем, к необходимости чего он пришел в первую половину века, — защитой культуры, культурных и нравственных ценностей,

и очень много для этого сделал. Я думаю, культуру нужно защищать всегда. Лихачев, например, спас Невский проспект. Кто-то из наших начальников, приехав с Запада, потрясенный витринами тамошних магазинов — дело было в 1970-е годы, — предложил его перестроить. Это был бы конец творению Петра I. Облик Невского проспекта сформировался благодаря его указам. Сделаем витрины — разрушим творение Петра, уникальный архитектурный ансамбль города, который сейчас единственный в России включен в Список всемирного культурного наследия ЮНЕСКО.

Иногда у Лихачева были очень большие проблемы с чиновниками. Из-за того, что он защищал культуру, ему, например, не разрешали выезжать за рубеж. А однажды, в советское время, после одного из выступлений его даже избili в подъезде.

Даниил Александрович Гранин мне рассказывал об одном разговоре с Дмитрием Сергеевичем, к которому он относился с огромным пиететом. Гранин высказал сомнение: «Мы с вами выступаем, но бесполезное ведь дело, к нам не прислушиваются». А Лихачев ответил: «Все равно надо выступать, мы обязаны хоть что-то делать. Да, пусть наш голос не очень силен, но мы должны высказать свое мнение, иначе потом очень трудно жить в разладе со своей совестью. Если есть хотя бы малейший шанс — его надо использовать». Смысл разговора был примерно такой, я опять-таки не дословно цитирую. Всегда, когда есть хоть малейшая возможность, надо пытаться защищать культуру, чтобы потом вас не мучила совесть.

Конечно, самое лучшее, что можно было бы сделать, — это жить «по Лихачеву». Я понимаю, что это очень трудно, но я всем нам желаю, по крайней мере, хоть какого-то «приближения к Лихачеву». Я желаю вам успехов, всего вам самого доброго, спасибо!